

С.П. ЧЕРНОЗУБ

Сознание, творящее мультиверсум, и новое лицо российского конструктивизма (Размышления над книгой В.Ф. Петренко)

Идеи психосемантики, развиваемые В. Петренко, представлены в контексте гуманистических тенденций современного конструктивизма. В частности, продемонстрирован гуманистический потенциал идеи множественности миров как общего конструкта современной психологии и физики.

Ключевые слова: психосемантика, конструктивизм, множественность миров, сознание, эмпатия, истина.

Ideas of psychosemantic, developed by V. Petrenko, presented in the context of the humanistic tendencies of contemporary constructivism. In particular, demonstrated the humanistic potential of the idea of plurality of worlds as a common construct of modern psychology and physics.

Keywords: psychosemantic, constructivism, the plurality of worlds, consciousness, empathy, truth.

Идея множественности миров нередко исполняет роль “ужасного ребенка” в семье картин мироздания, созданных по большей части для того, чтобы польстить человечеству и успокоить его. Демокрит, например, утверждал, что могучим и прекрасным богам, живущим в межмировых пространствах, нет дела до жалких по сравнению с ними людей, а “Коперник и Бруно превратили землю в какую-то ничтожную песчинку мироздания”. По мнению А. Лосева, в лице этих двоих интеллектуальная гордыня разрушила на исходе Ренессанса личность настолько, что “перед лицом вновь открытого космического бытия она стала чувствовать себя ничтожеством, механически зависящим от этих безумных и ни с чем не сравнимых пространств и времен” [Лосев, 1978, с. 544, 546]. Неудивительно, что сторонники этой идеи регулярно подвергались гонениям за то, что отказывали человечеству в VIP статусе¹. Наше время, однако, может войти в историю тем, что потенциал идеи множественности миров будет использован для избавления человека от комплекса “песчинки” перед лицом мироздания. А заодно – и от представления о естествознании как об убийце поэтической человечности в отношениях человека и Вселенной.

Самые известные современные физические концепции мультиверсума (многوميрия) восходят к идее Х. Эверетта (1957 г.). Согласно ей, всякий момент наблюдения (или измерения) микрообъекта рассматривается как взаимодействие двух квантово-

¹ Речь, разумеется, не о тех “картинах”, где множество возможных миров – лишь логическая конструкция или художественный вымысел.

механических систем (одну из которых представляет наблюдатель). Результат этого взаимодействия² необратим. И потому он дает начало образованию новой ветви миров во вселенной. Более того, вмешательство наблюдателя определяют не только будущее, но и прошлое наблюдаемого объекта [Wheeler, 1977, p. 3]. По сути это уже не наблюдатель, а, по словам Дж. Уилера, участник процесса порождения миров [Brian, 2000, p. 127]. Меньше всего при такой физике он становится похож на “песчинку”, да и сама физика, как заметил М. Эпштейн, – уже “не просто изучение структуры материального мира, но изучение законов... фантазии, мастерства, композиции, образности, пластического языка” [Эпштейн]³.

В книге “Многомерное сознание: психосемантическая парадигма” (М., 2010) В. Петренко, посвятивший свою профессиональную жизнь развитию такой области психологии, как психосемантика⁴, представляет иной путь выведения человека из саморазрушительных отношений с миром. Разумеется, он проложен не от образа электронного облака к мультиверсуму, в рождении которого участвует человек. Впрочем, и здесь исходной является метафора облака: “В психосемантике человеку ставится в соответствие пространство смыслов, некий микрокосм, образованный облаком их позиций” (с. 82). И речь идет не просто о метафоре. Исследовательский инструментарий психосемантики использует понятие облака в конструктивном смысле, например, как облако координат в некоторой графической модели семантического пространства. Но я не предполагаю рассматривать этот специальный аспект. Хочу обратить внимание на то, что соотнесение системы личностных смыслов с “облаком” вынуждает Петренко к принятию определенной логики в интерпретации процесса познания. Нельзя не заметить ее родства с логикой рассуждений создателя концепции мультиверсума.

Итак, человек, поскольку он является субъектом познания, – пластичен, ибо постоянно развивается, испытывает разные эмоции, ставит себе цели и время от времени пересматривает их. По той же причине “в психологии личности рассуждать о постоянном, самоотждественном объекте познания заведомо некорректно” (с. 84). В таком случае результат каждого акта познания нельзя представить себе иначе, нежели уникальным и нерасторжимым единством субъекта и объекта. Они сопричастны к созданию этого единства, а та уникальная картина мира⁵, которую на протяжении всей жизни выстраивает себе человек, есть не что иное, как мир, в котором он существует. Во всяком случае, их невозможно разделить.

Но если каждый человек создает собственный уникальный мир, то идея множественности миров возникает здесь самым органичным образом: “психологическая наука не столько описывает некую реальность, сколько создает ее, конструируя возможные миры, в которые вписывает и образ (реконструкцию) самого человека” (с. 194). Правда, в мире, создаваемом человеческим сознанием, психикой, личность по определению – не “песчинка”. Вносит ли идея множественности миров в ее психосемантическом изводе какие-то изменения в истолкование отношений человека с мирозданием? Тем более что в гуманитарной мысли неразрывность субъекта и объекта присутствует давно и поначалу, конечно, в противовес физике. Уже Дж. Беркли в своем трактате “О движении” утверждал, что ньютоновы понятия абсолютного пространства и абсолютного времени лишены какого-либо смысла, поскольку ни тому, ни другому нет соответствующих ощущений. Даже если строго держаться предметного поля психологии, то исходным пунктом следует признать “элементы опыта”, то есть идею неразложимого единства психического и физического, сформулированную Э. Махом (1886 г.).

² Эверетт назвал его “соотнесенное состояние”.

³ Даже если Эпштейн в данном случае слишком вольно соотносит реалии микро- и макромира, то, что подобные мысли навеваны современной физикой – само по себе знаменательно.

⁴ Систематическое изложение идей этого направления в психологии см., например, в [Петренко, 2010] или других изданиях этой книги.

⁵ Понятием “картина мира” автор обозначает “целостную структуру знания человека о мире, включающую как осознаваемые (понятно выраженные), так и неосознаваемые и плохо осознаваемые (установки, стереотипы, психические состояния, верования и т.п.) компоненты” (с. 323–324).

Общее между Беркли и Махом – то, что для них слияние субъекта и объекта в “неразложимый элемент опыта” осуществлялось единственно возможным способом (то есть в процессе взаимодействия образуется только один-единственный элемент, например, ощущение вкуса или цвета). В свою очередь, чувственно воспринимаемое качество и тот и другой рассматривали как значение слова в языке⁶. При этом в идеальном научном языке одному знаку (понятию) должно было быть сопоставлено одно значение (одна идея)⁷, а одному высказыванию только одно истинное соотношение между ощущениями. Характерным примером влияния этого идеала может служить толкование сновидений по З. Фрейду, основанное на убеждении, будто каждому образу сновидения соответствует конкретное, строго определенное переживание. Идея множества возможных миров, если и возникала при наличии подобных предпосылок, то лишь для того, чтобы продемонстрировать отсутствие в ней физического смысла.

Различались же Беркли и Мах представлениями о том, чем обеспечивается синхронизация персональных опытов и возможность взаимопонимания между людьми. По Беркли, такую возможность обеспечивал Бог. По Маху – принцип экономии мышления, подчиняясь которому в силу своей биологической природы, люди выбирают наиболее простую объясняющую схему, синхронизируя под нее индивидуальный опыт: «По происхождению своему “законы природы” суть ограничения, которые мы предписываем нашим ожиданиям по указаниям опыта» [Мах, 1909, с. 447]. А. Богданов – один из самых ярких последователей Маха в России – отдавал предпочтение социальным механизмам. Поэтому истина для него “есть идеологическая форма – организующая форма человеческого опыта” [Богданов, 1909, с. IX]. Замечу, ни один из трех подходов не исключает абсолютного подчинения человека организующему принципу и, пожалуй, считает такое подчинение весьма эффективным использованием знаний. Так что, если в философии конструктивизма (линия развития которой обозначена как раз именами Беркли, Маха, Богданова) сравнение человека с песчинкой и неуместно, то сравнение с винтиком – вполне.

Недаром с идеей конструктивизма в первой половине XX в. органично ассоциировалась эстетика “машинизма”. Конструктивизм был признанной идейной основой левых программ “организованного упрощения культуры”. Идеолог литературного цеха конструктивистов К.Зелинский так формулировал задачу этого направления: в противовес “нашему наследственному идеализму и психологизму” “перевести на язык искусства тот словарь, которым говорят машины, кодекс рационализации, евангелие целесообразности” [Зелинский, 1929, с. 134].

В лоне конструктивизма появились и те идеи социальной инженерии, которые со временем вошли в арсенал тоталитарных антиутопий, хотя их создатели были вполне искренними энтузиастами рационально сконструированного будущего. Например, А. Гастев, основатель и директор Института труда, считал передовой особенностью пролетариата “особую необходимую остроту”, доверяющую только аппарату, инструменту, а не всякого рода ощущениям и эмоциям. В перспективе развитие этой черты должно было сформировать “душу, лишенную лирики, эмоцию, измеряемую не криком, не смехом, а манометром и таксометром” [Гастев, 1919, с. 43]. “Механизированный коллективизм” таких людей должен был сообщить невиданную эффективность социалистическому обществу.

Однако рано или поздно должен был возникнуть вопрос: а вдруг будущее не таково, каким вы его воображаете? Не говоря уже о том, что рано или поздно кто-то должен был на собственном опыте познать реалии “механистического коллективизма”.

⁶ Для Маха значением слова могла выступать и идея.

⁷ Многозначность терминов (соотнесенность термина с “облаком смыслов”) представлялась дефектом для научного языка и во времена Маха, и много позднее.

Неудивительно, что, например, Ф. Хайек видел влияние конструктивизма и в попытках тоталитарных режимов взять под контроль сложные, непредсказуемо изменяющиеся процессы общественной жизни, и в претензиях на монополию со стороны тех или иных научных доктрин. Средство для разоблачения подобного конструктивизма он нашел, изменив представления о природе познания. В своей последней книге он сказал об этом так: «Признаться, я не сразу сообразил, что большую часть знания дает нам не непосредственный опыт и не наблюдение, а непрерывный процесс “пропускания через себя” усваиваемых традиций – процесс, необходимым условием которого являются признание и соблюдение отдельной личностью нравственных традиций, не поддающихся обоснованию с позиций общепринятых теорий рациональности» [Хайек, 1992].

Хайек не единственный обратил внимание на процессы, подобные “пропусканию традиций через себя”, то есть на особенности использования в ходе познания устоявшихся, общепринятых форм организации знания⁸. Психолог Дж. Келли (1955 г.) заговорил о “прозрачных трафаретах”, которые человек “сам создает, а затем пытается подогнать их по тем реалиям, из которых состоит этот мир” [Келли]. Эти трафареты, или шаблоны, он назвал конструктами, определив их как способы истолкования мира. Он заметил возрастающий интерес к способам делать личные конструкты и системы лучше поддающимися передаче, а также “значительный прогресс” в этом деле⁹.

Но что такое *способы* истолкования мира для конструктивиста, если не множество миров (и возможных, и осуществившихся)? Если вдуматься, эту идею несложно вычленил даже из того названия, которое Келли дал своему подходу: конструктивный альтернативизм. Впрочем, можно обратиться и к одному из прямых свидетельств: “Мы твердо стоим на том, что, когда имеешь дело с миром, всегда есть альтернативные истолкования, доступные для выбора. Никто не должен загонять себя в угол, полностью уступать обстоятельствам или становиться жертвой своей биографии. Мы называем эту философскую позицию конструктивным альтернативизмом” [Келли].

Новое имя позволяло отмежеваться от “конструктивизма”, за которым маячила тень тоталитарных идеологий, но при этом подчеркнуть свою близость философскому направлению, идущему от Маха, в том виде, в каком оно было воспринято американским прагматизмом: “Придание нами особого значения проверке конструктов подразумевает опору на принципы эмпиризма, конкретнее, на принципы прагматической логики. В этом отношении мы следуем традиции современной американской психологии. Но поскольку мы признаем, что человек приближается к знанию мира через его истолкование, наша система является в какой-то степени рационалистической. Кроме того, поскольку мы твердо убеждены, что человек способен создавать свои альтернативные подходы к реальности, мы расходимся с традиционным реализмом, утверждающим, будто люди всегда оказываются жертвами обстоятельств” [Келли].

Иначе говоря, Келли принципиально отвергает возможность тотального подчинения мира, создаваемого человеческим сознанием (в том числе индивидуальным), какому бы то ни было организующему принципу. Основание – существенная ограниченность осознанных и вербализованных способов истолкования мира. Они по определению игнорируют то, что “человек не обязательно членораздельно формулирует свои истолкования мира. Некоторые из них вообще не получают словесного обозначения и выражаются на языке жестов. Даже истолковываемые элементы могут не иметь словесных ярлыков, с помощью которых ими можно было бы оперировать, и человеку ничего не остается, как реагировать на них безмолвным порывом” [Келли].

⁸ В философии науки несколько позже получили известность парадигмы Т. Куна.

⁹ Ф. Бэкон сказал бы, что в науку официально стали возвращаться “идолы”, то есть некритически воспринятые формы организации знания. Правда, они стали возвращаться в качестве объектов изучения.

Свобода и эмпатия

Психосемантический подход, разрабатываемый Петренко, продолжает линию Келли и в специально-психологическом, и в философском плане. Говоря именно о философской преемственности, следует подчеркнуть ее гуманистическую составляющую (разумеется, с необходимыми поправками на специфику исторического контекста).

В середине прошлого века идея множественности миров вошла в психологическую теорию на волне того стремления человека к свободе, которое охватило мир, сметая нацистский режим в Германии и вызвав распад колониальной системы. Это проявляется в трактовке главной исследовательской задачи. У Келли она привязана по преимуществу к сфере отношений человека со своим будущим. Психолог видит свою задачу в том, чтобы убедить человека в его праве менять любую конструктивную систему, если она не дает удовлетворительных предсказаний: "...человек устанавливает меру собственной свободы и зависимости на том уровне, который он выбирает для своих убеждений" [Келли]. Тематика освобождения в культурном контексте нашего времени актуализирована становлением "многополярного" мира. А в России – еще и потребностью изжить психологическое и идеологическое наследие тоталитарного строя. Дается это нелегко. Энтузиазм начала 1990-х гг. уже вытеснен в прошлое мечтой о "стабильности", которая не воцаряется без отступлений от свободы. На повестке дня вопрос: не обернется ли данное отступление бегством? В этих условиях, кто возьмется ответить, чем на самом деле занят Петренко, когда отвергает трактовку истины с позиций теории отражения: только ли борется с неупокоившимся духом учения, которое "всесильно, потому что оно верно"?

В пылу этой борьбы Петренко вообще склоняется к отказу от понятия истины (с. 98–99), хотя при всей свободе субъекта в современном конструктивизме это не обязательно. Так, Келли считал понятие истины вполне функциональным при четком определении границ его применимости (впрочем, он и не имел, как наши ученые, такого знакомства с практикой использования истины в качестве "идеологической формы организации опыта"). Да, пожалуй, без русской души, вечно мечущейся между самодержавием и анархией, тут не обошлось – не зря же автор книги склонен соглашаться с утверждением, будто каждый культурный мир предполагает собственную логику.

Однако дезавуирование категории истины в современной науке – не главный способ освобождения человека, предлагаемый Петренко. Напомню, речь идет об освобождении от власти над человеком той картины мира, в которой ему отведена роль слабого, пассивного и довольно жалкого объекта чьих-то директив. Психолог достигнет цели, если сумеет убедить, что "человек есть не только то, что он есть, а в большей степени то, чем он может и хочет быть". Иначе говоря, если поможет увидеть "веер возможностей", которые человек "сам себе дозволяет" и может реализовать "через совокупность потенциальных траекторий жизненного пути, еще не ставших, не свершившихся" (с. 84–85). При этом с помощью психосемантических методов можно выявить и сделать предметом анализа «имплицитные картины, модели мира, присутствующие субъекту, которые он может сам и не осознавать, но которые актуализируются "в режиме употребления"» (с. 81)¹⁰. И, что не менее важно, – определить возможности "трансформации семантического пространства респондента и, соответственно, формы изменения его картины мира" (с. 334).

Второй гуманистический аспект психосемантики актуализирован, с одной стороны, потребностью в организации эффективного взаимодействия, взаимопонимания между людьми и сообществами в рамках постколониального и глобального контекста, а с другой – спецификой российской культуры разрешения личных и общественных проблем. Речь идет о нашей нелюбви к компромиссам, склонности рассматривать любую уступку в переговорах как проявление слабости. А. Тойнби считал эту культурную особенность родовой чертой восточного христианства (православия) и возлагал ответственность за неудачи в организации диалога между СССР и Западом на взаим-

¹⁰ Примеры такой работы описываются на материале гипнотерапии алкоголизма.

ное невежество относительно культурных различий в практикуемых способах ведения переговоров. В. Лефевр сумел выстроить тактику ведения переговоров с учетом упомянутых различий, и она, по крайней мере один раз, была успешно использована (в переговорах между М. Горбачевым и Р. Рейганом) [Лефевр, 2003]. Думаю, что свою лепту в формирование национального презрения к компромиссам внесло и затянувшееся господство того научного мировоззрения, которое предполагало наличие единственного истинного решения для любого вопроса.

В своей внутренней жизни Россия не раз страдала от того, что в критические моменты истории выразители разных общественных интересов не находили способа услышать друг друга и выработать общее решение без применения интеллектуального, административного и физического насилия. Поэтому трудно переоценить востребованность тех научных подходов, которые обеспечивают научную легитимацию идее множества равноправных картин мира и разрабатывают способы гармонизации отношений между их создателями.

“Субъектный” подход к пониманию другого, реализуемый в психосемантике, с необходимостью «требует увидеть мир “глазами испытуемого”, почувствовать его способы осмысления мира» (с. 329). Такую возможность дает реконструкция индивидуальной системы значений, ориентируясь по которой можно облегчить выстраивание процесса эмпатии. Автор даже прибегает к знаменитому образу звездного неба, сравнивая с ним множество координатных точек семантического пространства. Каждая из них представляет личностный смысл, сопоставленный в сознании человека конкретному объекту. При этом “звездное небо смыслов” изображается в легко доступной восприятию и анализу графической форме.

Собственно говоря, та потребность, которая заставляет нас искать понимания личности другого, проникая в “мир его смыслов”, и играет организующую роль в человеческом познании, как оно представлено в конструктивистской философии Петренко. В книге не формулируется основополагающий принцип этой организованности, разве что признается существование “ряда единых стержневых психологических феноменов” (с. 206). Судя по тексту главы, в которой рассматриваются практики непосредственного познания (медитации), отсутствие формулировки принципа – не случайность, а средство обозначить наличие “лишенного категоризации познания”, каналы которого открываются при условии “полного прекращения какой-либо ментальной активности” (с. 241). Во всяком случае, относительно того, что гуманизм иногда обнаруживается там, где слова неуместны, спорить сложно.

Конструктивизм и “конструктивизмы”

То, что Петренко называет свой подход предельно общим именем “конструктивизм”, с учетом того “облака коннотаций”, которое связано с этим термином, иногда кажется неоправданным. Предполагая, что на это есть причины, читатель вынужден сам строить объясняющие гипотезы, так как автор своего выбора не обосновывает. Пожалуй, такое имя позволяет максимально расширить возможности оперирования богатством накопленного философского опыта. Поэтому иногда бывает забавно сравнивать списки тех мыслителей, которых причисляют к основателям или выдающимся представителям конструктивизма: фактически нет такой философской школы, деятелям которой не нашлось бы там места. Есть ли в таком случае резон относить себя к конструктивистам, если это не облегчает задачу самопрезентации?

Резон можно обнаружить, но при условии решительного отказа конструктивизму в статусе философской школы (даже направления). Конструктивизм – это попытка примирить тотальность идеала и анархию индивидуальных отношений с миром при помощи той или иной разновидности формальных приемов. В подавляющем большинстве случаев речь идет о приемах конкретной профессиональной деятельности, поэтому на самом деле мы имеем множество “конструктивизмов”: в математике, в литературе, в архитектуре, в социальных теориях. Их представителей объединяют не традиции живого сотрудничества, которыми создается единство научной школы, а скорее, стиль апелля-

ции к философскому контексту эпохи. Конструктивизм, иначе говоря, есть форма философского самоопределения профессионалов. Недаром еще Ф. Шеллинг связывал с “введением в философию метода конструкции” не только возможность создания “научной философии”, но и привлечение “многих” к участию в этом деле [Шеллинг, 1980, с. 4].

Согласно приведенному определению, в книге Петренко представлен самый настоящий, чистейший конструктивизм. Однако и вопрос о месте психосемантики в ряду специальных разновидностей конструктивизма (а стало быть, о приискании подходящего индивидуального имени)¹¹ – не праздный. Риску высказать еще одну гипотезу относительно того, почему автор этого не делает.

Тем, чья профессиональная жизнь хотя бы отчасти пришлась на советские времена, несложно представить судьбу всякого, кто мог быть заподозрен в способности увидеть в атомах и молекулах “мысленные конструкты” (по Маху), а не сущности, которые “копируются, фотографируются, отображаются нашими ощущениями, существуя независимо от них” [Ленин, с. 131]. В особенностях этих легко вообразимых обстоятельств скрывается, например, объяснение тому, что имена Маха и самого яркого представителя отечественного конструктивизма Богданова постепенно исчезли из работ даже тех советских психологов, которые фактически продолжали исследования созидательно-конструктивистских функций сознания и науки. Это произошло в 1930-х гг., а затем несколько поколений отечественных психологов и логиков не имели полноценного представления о связи философии конструктивизма с культурной почвой России. В этом плане выбор общего имени “конструктивизм” позволяет в какой-то мере “сшить” края разрыва, образовавшегося в силу трагических обстоятельств между поколениями отечественных психологов, и символически свидетельствовать о свершении акта исторической справедливости.

Небольшое, но необходимое пояснение. В книгу доктора психологических наук, члена-корреспондента РАН В.Ф. Петренко вошли работы, созданные на протяжении нескольких последних лет, но что такое книга, главы которой до попадания под одну обложку какое-то время жили собственной жизнью? Ее можно сравнить с городом, возникающим из самостоятельных поселений: деревень, стиходок и монастырей, срастающихся и ограничивающих друг друга. Со временем стихийно сложившееся единство будет гармонизировано общей архитектурной идеей, однако для путешественника, имеющего свои интересы, собственная интерпретация общей идеи города сложится в зависимости от маршрута, который свяжет самые важные и памятные именно для него точки городского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов А.А.* Эмпириомонизм. 1909.
Гастев А. О тенденции пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9–10.
Зелинский К. Разговор с американскими писателями // Октябрь. 1929. № 9.
Келли Дж.А. Психология личности. Теория личных конструктов (<http://uchcom.botik.ru/educ/PSYCHOLOGY/Library/Kelly/Kelly-main.ru.html>).
Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18.
Лефевр В.А. Алгебра совести. М., 2003.
Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 1909.
Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 2010.
Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992 (http://www.libertarium.ru/l_lib_conceit0).
Шеллинг Ф.-В.-Й. О конструировании в философии // *Шеллинг Ф.-В.-Й.* Соч. М., 1980. Т. 2.
Эштайн М.Н. Проективный словарь философии. Новые понятия и термины // Топос. 2003 (<http://topos.ru/article/1676>).
Brian D. The Voice Of Genius: Conversations with Nobel Scientists and Other Luminaries. 2000.
Wheeler J.A. Genesis and Observership // Foundational Problems in the Special Sciences. Dordrecht, 1977.

© С. Чернозуб, 2010

¹¹ Пример такого рода имени – “радикальный конструктивизм”, появившийся сравнительно недавно (на рубеже 1970–1980-х гг.).